

КНИГА НАДЕЖДЫ

Тысячи тысяч блогеров и репортёров различных стран и континентов выдают на-гора интернет-информацию, но извлечь из неё хоть мизер происходящего в реальности невозможно.

Есть всё: ложь, фантазии, мечтания, кроме реальной картины выстраданного, запечатленного автором. Деталь за деталью, образы поведения, портреты героев в динамике, в конкретном месте при исполнении конкретной боевой работы, при любой погоде — в дождь и зной... На страницах книги мы видим запечатленное горе миллионов людей, голод и холод, плач матерей о потерянных сыновьях, разрушенные города и сожженные хутора и сёла... Мы видим обратную перспективу происходящего, что могло бы быть ещё, если бы не началась СВО, какие нацистские формулы ведения войны могли бы использовать против России Украина и страны НАТО... Военкоры, рискуя жизнью вместе с солдатами на передовой, пишут историю здесь и сейчас. Есть понимание ответственности за каждое произнесенное слово перед Богом и своим народом...

Книгу о событиях на Украине, в Новороссии и на Донбассе автор начал писать в феврале и продолжает писать сейчас. Кто-то может сказать, что ещё не время, рано-де, надо осмыслить. Надо, соглашусь, но при условии, если есть что осмыслить. Важно запечатлеть хронологию событий в деталях, чтобы потом, когда закончатся боевые действия и наступит мир, нынешние военкоры и писатели будущего времени смогли, опираясь на собранные по крупицам материалы, написать эпопею нашего времени с его героями, используя опыт русских военных писателей XIX—XX веков.

С первых дней СВО автор возвращает читателю очищенные понятия Родины-России, возвышает понимание Героя, человека, способного отдать жизнь за Отечество, одухотворяя его миссию, возвращая смыслы справедливости,

чести, жертвенности, братства, коллективизма, дружбы народов, стойкости, отечестволюбия... От страницы к странице герои книги предстают вековыми русскими богатырями на самых крутых и опасных поворотах движения современной истории. Судьба миллионов, прошедших войну, высветилась Божественным светом.

Эта книга нужна не только людям, прошедшим испытание войной. Она нужна тем, кто поднимает себя из безверия, бессилия, отрешенности от мира.

Эта книга для всех. Она уже состоялась этой незавершенной частью. Она вернула нас из беспамятства через сверхнапряжение к своим истокам.

Мы получили необычную, нестандартную, героическую и болевую, возвышенную по большому счёту и приземлённую в своей правде книгу надежды.

*Сергей Котьяло,
сопредседатель Союза писателей России*

ОТ АВТОРА

И перед вами не замыленный пропагандой взгляд на события российско-украинской войны, лукаво называемой специальной военной операцией. Точнее прокси-войны Запада с непокорной Россией руками продажной девки по имени Украина. Это размышления о виденном и пережитом, о людях войны, долге, чести, отваге, трагедии, подлости, стяжательстве. О психологии войны.

Сохранена хронология, хотя со временем, чем дальше мы уходили от двадцать четвёртого февраля — первого дня СВО, менялось восприятие происходящего и его оценка, но корректировать не стал — эволюция взглядов тоже имеет ценность.

Не всё удалось вместить на страницах этой книги — многое осталось, как говорится, за кадром. Не все имена можно назвать — любят у нас засекречивать до глупости, хотя порой специфика службы не позволяет назвать имя, рассказать о том или ином событии. Хочется верить, что наступит время, и мы сможем рассказать о всех тех людях, с которыми пересеклись пути-дороги на этой войне.

Война лакмусом высвечивает не только тот социальный и общественный негатив, который сопровождает любые общественные катаклизмы, война показывает, кто чего стоит. Война — это своеобразная огранка, она кристаллизует характер, его нравственные качества, показывает, кто он на самом деле.

Здесь нет пропаганды — это коллективный взгляд на события нашей крошечной группы людей, оказавшихся на войне добровольно, не связанных ни с кем какими-либо правовыми обязательствами, а тем более

финансовыми. Даже выступая в качестве фронтовых корреспондентов фронтового информационного агентства «ANNA News», мы оставались независимы в оценке событий.

Написанное вычитано нашей командой, просяно по крупиночкам, выверено, чтобы оставить только то, что кажется главным, что выпукло показывает суть войны через характеры людские. Внутренний запрет на какие-то достаточно знаковые события или портреты людей в чём-то обеднили написанное, хотя с другой стороны — оно графически точно.

Это не художественное произведение — это документальная хронология событий и бесконечная череда лиц и характеров.

Мы многое не знаем и что-то никогда не узнаем. Мы не знаем глобальные причины начала войны, хотя можем догадываться, что в основе лежит прежде всего защита наших экономических интересов. Точнее, наших жизненных интересов, а уж потом денацификация и демилитаризация Украины. И вполне возможно, что чаще, переполнившей наше терпение, стало тайное заседание Бильдербергского клуба 5 февраля 2022 года, результатом которого явилось эмбарго на поставки российских углеводородов.

Не знаем, каких сил и какого напряжения стоило Президенту принятие решения о проведении СВО. Не знаем, какие силы препятствовали этому решению, какая мотивация двигала ими, но наверняка не интересы Отечества.

Закончится эта война, и тогда можно будет рассказать о том, что не сказано здесь, а пока руководствуемся принципом «не навреди». Будет осмысление, прежде написанное покажется в чём-то наивным или даже неверным, но никто не сможет упрекнуть нас в том, что были неискренни, что покривили совестью, что ради

конъюнктуры сказали неправду. Мы такой увидели войну, мы приняли её неизбежность и необходимость и остались верны идеалам две тысячи четырнадцатого года, идеалам Русской Весны.

Ну а пока опять готовимся на фронт — нас ждут Одесса, Киев, Львов. Нас ждут все те, кому дорога память родного Отечества.

Часть первая ДЕНЬ ЗА ДНЁМ

ФЕВРАЛЬ

1

За неделю до начала войны хоронили отца Сахи*. Порывистый ветер рвал из рук цветы, непокрытая голова сама втягивалась в поднятые воротники курток. Гроб для прощания поставили на свободном пятачке у подъезда, вокруг теснились пришедшие проститься. Подошёл Саха, не то что угрюмый, но посеревший лицом с резко очерченными, будто тѣсанными, скулами. Обняли, сказали что-то в утешение — не протокольно, от всего сердца, обещали на девять дней обязательно встретиться.

Он обвёл нас взглядом — усталым и тревожным и будто невзначай обронил, что вряд ли. Было в его словах что-то такое, чего пока мы не знали, но почувствовали: без него будут поминать отца и на девять дней, и, возможно, на сорок тоже. Саша Тарасов** что-то рассказывал об отце Сахи, а мы с Тимофеевичем*** молча слушали, курили и ощущали разливающуюся в воздухе тревогу.

Через две недели я встретил Саху в Липцах — он ввалился к нам на базу в своей «цифре» и с автоматом под правой рукой — особый шик носить автомат на ремне через плечо, когда карабины защелкнуты на антабке

* Мишнев А. В., позывной Саха. Артист.

** Тарасов А. В.

*** Алёхин Г. Т.

приклад. Поверх «броника»* плотно сидела разгрузка, карманы которой топорщились рацией, магазинами, парой гранат, фонариком и всем остальным, что так необходимо в мало предсказуемой жизни бойца. С осунувшимся лицом с полуторанедельной щетиной, похудевший, но всё равно неунывающий. Война сушит, топит жирок, поэтому толстые на войне — только в кино. Он стеснительно пристроился на краешек стула и, плотно обхватив ладонями кружку с горячим чаем, медленно и с наслаждением тянул его мелкими глотками.

Я не хотел его отпускать и уговаривал остаться, обещая решить все формальности перевода к нам, в нашу группу, прикомандированную (приставленную, прислонённую) к отряду Пилигрима, но он отказался, обещав сам договориться с командирами. Обещание он выполнил и на следующий день был уже у нас, но периодически «отскакивал», выполняя какие-то задания, о которых нам знать не следовало.

Так вошёл в жизнь нашей маленькой группы Саха и оставался с нами до самого последнего дня, пока мы не выбрались обратно за «ленту» в Россию.

Но эта встреча случилась то ли в последний день февраля, то ли скорее в первых числах марта, а пока всю эту неделю после похорон жили в ожидании войны, которая уже не таилась и алчно дышала в затылок. Жили в ожидании дня, когда рассечёт привычную жизнь на двое, изменив отсчёт времени и разделив людей на тех, кто готов отдать на заклятие голову свою, но умереть русским, и тех, для кого Россия стала временным пристанищем, где жилось сытно и не мешали фрондировать. А ещё были те, чьё сознание определяет холодильник. А ещё те, кому было всё равно где жить, с кем, под кем — эдакое холуйско-хуторское сознание. А ещё...

* Бронежилет.

Господи, да много их было, слишком много, на удивление много, кто был не с нами.

И всё же для многих это был катарсис — очищение души.

2

Двадцать третьего начало квасить ещё до обеда, хотя ветерок гонял по небу тучные облака, словно тасуя колоду, и солнцу удавалось лишь в короткие минуты прояснения погулять на славу, жадно отведав грязноватый лежалый наст. Но уже пополудни ближе к вечеру ветер стих, будто затаился, потянуло морозцем, и к сумеркам лужи выкристаллизовало хрусталём, да таким крепким, что он не расходился трещинами под ступавшей на него ногой. И ничто не говорило о том, что это будет последняя мирная ночь.

Рассвет двадцать четвёртого был написан непривычно резким и контрастным цветом и широкими мазками — под кистью неведомого художника запылало небо на востоке густо замешанной карминово-оранжевой зарей на тёмном сине-сиреневом небе. Четверть часа спустя далёкие сполохи и накатывающий гул, смешавшись с орудийным грохотом, возвестили о начале великого очищения наших душ.

Лакмусом высветилось грехопадение одних и готовность возвышения в своей жертвенности других. И началась не только великая сеча, но и возвращение заблудших и приведение их в чувство. И наказание украинства за мазепинское предательство, с вожделением уж тридцать с лишним лет живущего в никак не сбывающейся мечте урвать свой кусок от неминуемого разделения на части России.

Тогда, в девяносто первом, всё украинское общество или почти всё — от политиков и интеллигенции до по-

следнего маргинала и сельского забулдыги — предало и приговорило нас, единокровных, к заклятию алчному Западу. И брошенная и отвергнутая Россия, корчась от боли и сдирая коросту, выздоравливала и поднималась с колен, чего Украина не могла простить. И не верила в силу духа русского, в его непокоряемость. Все попытки взывания к разуму, все попытки терапии закончились, и мы взяли в руки скальпель.

И всё же было то, что коробило. О чем думали наши политики, начиная специальную военную операцию? Наверное, они знали такое, что не положено знать простому смертному. А мы знали, что за три десятка лет наша власть водила хороводы с продажной девкой по имени Украина. Наши послы по бывшим республикам бывшего Союза, ставшим суверенными, отбирались по разряду выбраковки, а на Украине особенно: один продолжал выстраивать схемы личного обогащения, другой под стопку водочки тянул меха аккордеона. Знали, что абсолютно воровской украинский олигархат слился в экстазе с нашим. Знали, что пестуют ненависть к нам. Всё знали. Теперь за просчёты политики должна расплавиваться армия.

О чем думали наши отцы-командиры, бросая вымотанную учениями армию под снаряды и мины изготовившейся к войне Украине?

И почему надо было начинать на рассвете? Слишком ярко выстраивался ассоциативный ряд, и потом не раз и не два пеняли нам сорок первым. Да и внезапность была только для нас — ещё за сутки войска ВСУ, силовики и местные власти отошли к Харькову.

3

С утра телефон буквально накалился от звонков, рвущих на части привычный ритм жизни.

Сначала был звонок от Сергея Ивановича* с просьбой тряхнуть стариной и закрыть харьковское направление, пока не вернутся из Сирии военкоры «ANNA News»**. Разговоры о том, что сейчас решается судьба России, что или мы выстоим, одолеем ополчившиеся на нас сатанинские силы, или русские как этнос будут уничтожены, всё это в пользу бедных. Это не для нас, потому что выбор был сделан нами еще до Русской Весны, до Майдана, до Донбасса. Но мы понимали и то, что в наши, далеко не юные годы, когда одних только болячек воз и отнюдь не маленькая тележка, не говоря уже о других проблемах, отправляться туда — это уже диагноз.

Мысленно бросил на чаши весов все «за» и «против» настойчивого предложения Котькало, рассчитанного исключительно на восторженных идиотов либо просто дураков с точки зрения нормального человека.

Стрелка весов рванула в минус: во-первых, кашель клочкотал в груди и разрывал бронхи. К тому же давление слишком вольно гуляло вверх-вниз, отчего свет божий стал не мил. Во-вторых, привычный сквозняк в карманах не позволял прикупить самого необходимого, и пришлось довольствоваться тем, что наскреб по сусекам. А наскреб скудно: старый афганский офицерский бушлат, нож, фонарик и кое-что по мелочи. Ну, так обещано турне краткосрочное, всего на несколько дней, вот и обойдёмся. В-третьих, в случае гибели путь домой заказан. В лучшем случае прикопают где-нибудь в посадке, а то и бросят в чистом поле. В-четвёртых, обещанные «похоронные» за гибель своего сумасшедшего папочки родные не получают ни копейки, как и самому фигушке что светит при ранении. В-пятых, труд в нарушении Венской Конвенции оплачиваться не будет — считай,

* Котькало С. И., сопредседатель Союза писателей России.

** Фронтное информационное агентство.

что это коммунистический субботник. В-шестых, фото и видеокамеры нет и не будет, как и транспорта тоже. Добудете сами — флаг в руки, нет — ваши проблемы. В-седьмых, в-восьмых, в-девятых, в-десятых... Короче, всё материальное побоку, ты доброволец и опять вне правовой защиты, то есть по большому счёту ты никто и звать никак.

Плюс есть? Ну конечно, позитив всегда присутствует, даже когда тебя ставят к стенке. В данном случае в абсолютной свободе во времени и пространстве: смотри, слушай и пиши, что душенька пожелает, хотя и без гарантий когда-нибудь увидеть свет написанному.

Да, негусто, хотя не хотелось упускать шанс на всё взглянуть не пропагандистским глазом, а самому услышать, пощупать, попробовать на зуб. И это уже уравнивает негатив с позитивом.

Во мне не на шутку схватились два человека. Налицо диссоциативное расстройство идентичности, а проще шизофрения, но разве человек разумный сам, добровольно, за просто так отправится на войну ради любопытства? Отправился и потащил за собою команду таких же сумасшедших, обручившихся с шизой.

Следующим был Витя Носов, бывший старшина разведроты ВДВ Советской армии, добрейшей души человек, доверчивый и искренний, просто помешанный на помощи Донбассу. Все восемь лет он кропотливо собирал всё, что нужно для жизни и выживания, и при первой же возможности вёз, вёз, вёз, буквально прорываясь через всевозможные препоны таможен на погранпереходах. И как мальчишка радовался, когда ему удавалось пробираться на передовую и иногда уговорить разведчиков взять с собою в поиск.

— Саныч, едем пиндосиков мочить?! — спрашивал-требовал мобильник и орал его голосом.